

УДК 37.01:82.085

ББК Ч4.486.13

О ПРЕДМЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ РИТОРИКИ

И. В. Тимонина

На страницах одного из предыдущих номеров журнала «Образование и наука» (№ 4, 2000) мы аргументировали тезис о том, что необходимость теоретически обосновать процесс риторизации образовательной деятельности – актуальная риторико-педагогическая проблема.

Размышляя над тем, *что значит* теоретически обосновать процесс риторизации образовательной деятельности, мы пришли к выводу, что первоочередная задача в этой области – определение предмета риторики в контексте современной социокультурной ситуации. Необходимость дать ясные ответы на вопросы о том, *что такое* риторика, *какая* риторика и *зачем* нам *сегодня* нужна, давно назрела. Без понимания этих фундаментальных общих вопросов, нельзя всерьез размышлять о соотношении «риторика – образовательная деятельность».

Нам уже приходилось говорить, что единства во взглядах на предмет современной риторики нет и что разброс мнений по этому вопросу чрезвычайно широк¹. Мы отмечали также и тот факт, что многообразие теоретических подходов в этом определяющем аспекте – серьезное препятствие для динамичного развития практической риторики, одна из причин того, почему риторика до сих пор не стала обязательной школьной дисциплиной.

Сегодня нам хотелось бы предоставить вниманию читателей свои соображения по вопросу о предмете современной риторики.

Прежде всего, рассмотрим те значения, в которых понятие «риторика» чаще всего используется в риторико-педагогической литературе: 1) речевая деятельность; 2) наука; 3) обучающая дисциплина. Поскольку одна из существенных особенностей риторики состоит именно в синкретичности, взаимообусловленности названных аспектов, то исследователи, говоря о предмете рито-

¹ «Образование и наука: Изв.Урал.науч.-образоват.центра Рос. акад. образования». 2000, № 4 (6). – С. 233.

рики, за редчайшим исключением [11, с. 51] не уточняют, о каком именно аспекте понятия «риторика» идет речь, а говорят о предмете *риторики вообще*.

С нашей точки зрения, подобная нерасчлененность понятия – одна из главных причин того «многоголосья», того широчайшего спектра определений предмета риторики, которые существуют сегодня. Думается, прийти к положительному результату можно только в том случае, если последовательно рассматривать предмет риторики: а) как речевой деятельности, б) как науки, в) как обучающей дисциплины.

Логично начать с вопроса, каков же предмет риторики, если говорить о ней как о речевой деятельности? Но постановка вопроса в такой формулировке уже требует коррекции, поскольку содержит в себе другую неразрешенную теоретическую проблему: являются ли понятия *риторика* и *речевая деятельность* синонимичными? Или все-таки риторика – *один из видов* речевой деятельности, имеющий свою специфику? По сути дела, это вопрос вопросов, и родился он не сейчас. Его появление относится к древности, к тому времени, когда в качестве альтернативы аристотелевскому пониманию риторики рождается концепция Квинтилиана. Известно, что, согласно учению римского теоретика, «риторика есть наука о способности хорошо говорить и силе убеждать». Казалось бы, Квинтилиан не исключает главной миссии риторики как «творительницы убеждений», тем не менее, на первый план у него выходит не функциональный (как у Аристотеля), а качественный (признаковый) аспект, который много шире функционального. Этого оказалось достаточно, чтобы в культурно-исторической традиции четко наметилась теоретическая диада: «если для греков главное в риторике – искусство убеждать, то римляне больше ценили искусство говорить хорошо» [5, с. 17]. Последнее, по мнению ученых, инициировало становление литературно-языкового компонента как доминирующего, что явилось основной причиной позднейшего кризиса риторики.

Осознание бесперспективности для риторики расширенного понимания ее предметности, отождествления ее со всей речевой деятельностью, а также смещение акцентов с функций речи на ее качества, сыгравшее злую роль в истории риторики, заставляет нас более пристально, более внимательно проанализировать аристотелевское понимание риторики. Кроме того, не будем забывать, что время написания трактата – это время расцвета риторики, время первых теоретических попыток осмыслить практический риторический опыт, а все первичное наиболее ценно, поскольку базируется на свежести восприя-

тия; наконец, интуиция, пронизательность, глубина и систематичность теоретического мышления Аристотеля общепризнанны и не подвергаются сомнению.

Поскольку нам предстоит заняться понятийным анализом, логично использовать для этих целей философский инструментарий.

Вспомним для начала, что Аристотель понимал риторику как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета». Анализ этой дефиниции показывает, что Стагирит различает *объектную область* (т. е. каких тем, вопросов можно касаться в риторике) и *функциональную область* (т. е. область применения, востребованности риторики). Это очень широкие, буквально всеохватные области, но *предмет* риторической деятельности у Аристотеля очень конкретен: нахождение *способов убеждения*. Здесь все существенно, все значимо: акцент на первом слове (нахождение *способов*) указывает на то, что главное в риторике – доказательства, акцент на втором (нахождение *способов убеждения*) подчеркивает, что в «фокусе» риторики оказывается не всякая речь, а только та, назначение которой – воздействие на позицию адресата. Таким образом, аристотелевское определение предмета риторики по сути а) *телеологично*, так как цель ратора (внести сомнение, «расшатать» позицию адресата, склонить к своей точке зрения, убедить, переубедить и т. д.) изначально задана; б) *идеологично* в том смысле, что векторно направлено на область сознания, включающую в себя убеждения, то есть на мировоззрение субъектов риторической деятельности, в) *антропоморфно*, так как предполагает отношение адресат – адресант (того, кто убеждает и ищет к этому пути, и того, кого предполагается убеждать).

Существенным оказывается и тот факт, что Аристотель «описывает риторику вообще как своего рода логику «мнения» или вероятности, а удовольствие, доставляемое риторикой, как интеллектуальное удовлетворение познавательной потребности» [11, с. 132]. Таким образом, по Аристотелю, риторика – это продолжение логики в ином ментальном пространстве, в том пространстве, где логические отношения устанавливаются среди предположений по поводу вероятного, возможного, а не реально существующего. т. е. в области идеальных смыслов.

Думается, можно *в целом* согласиться с А. К. Михальской, которая дает такую интерпретацию предметности риторики в свете аристотелевского понимания ее специфики: это «наука об общих способах убеждения в вероятном

или возможным, основанных на четкой системе логических доказательств, мастерство и искусство находить эти способы и пользоваться логикой доказательства» [8, с. 21]. Однако обратим внимание на один значимый аспект: в дефиниции Аристотеля ключевое слово – «нахождение». Это отлагательное существительное передает, во-первых, сущностную черту риторики – ее деятельностный характер: Стагирит определял ее как *процесс*. Следовательно, он рассматривал риторику именно как вид речевой деятельности в его специфических проявлениях. Мысль о том, что великий философ уже в то время трактовал риторику как науку, с нашей точки зрения, весьма спорна. Анализ дефиниции Аристотеля дает ответ и на вопрос, в чем же видел великий теоретик риторики специфику этого вида речевой деятельности. Он видел его, во-первых, в *осознанности* (в самом деле, искать в той или иной ситуации наиболее действенные, наиболее продуктивные способы убеждения можно только анализируя их, соотнося с целевой установкой, т. е. именно осмысленно, и никак иначе); во-вторых, в доминировании мировоззренческого компонента (как отмечалось выше, нахождение способов убеждения предполагает в первую очередь коррекцию позиции адресата, т. е. воздействие на его убеждения, которые, по мнению философов, есть неотъемлемая составляющая мировоззрения).

И если давать современную интерпретацию классического определения специфики риторики как вида человеческой деятельности, то, с нашей точки зрения, ближе к оригиналу следующее: *риторика – осознанная речевая деятельность, направленная на убеждение адресата в должном¹ (возможном, вероятном), а также на раскрытие замысла другого в процессе коммуникации по этому поводу.*

Такая интерпретация классического определения, как представляется, сохраняет то главное в риторике, что хорошо «схватывалось» в аристотелевском определении. Прежде всего – общую *направленность на адресата*, которая, с одной стороны (со стороны отправителя речи), обуславливает эффективность речевого акта, поскольку учитывает индивидуальные особенности адресата и другие специфические особенности актуальной речевой ситуации, а с другой стороны (со стороны получателя речи), предопределяет развитие риторики восприятия речи. Кроме того, такая интерпретация сохраняет доминирующий

¹ Должное в нашем понимании – это возможное, которое осознается субъектом как необходимое.

в аристотелевской дефиниции *мировоззренческий аспект* (направленность на убеждения другого), тот самый аспект, который делал риторику постоянной соперницей философии. «Само собой разумеется, что, когда мы говорим об античной риторике в такой связи (т. е. как соперницы и одновременно *alter ego* философии – И. Т.), мы выходим за пределы самого узкого смысла термина¹; но мы остаемся на почве античного словоупотребления, не допуская терминологического произвола. Риторика, противостоящая философии, – это... не просто теория ораторской речи или художественной прозы; это, как сказали бы греки, искусство убеждать» [1, с. 133].

Итак, анализ классической дефиниции риторики показывает, что Аристотель определял предметность риторики прежде всего как *особого вида речевой деятельности* и эта предметность у Аристотеля вполне определена и конкретна (это осознанная, рефлексивная речевая деятельность, направленная на устранение несоответствий, расхождений в области мнений, убеждений, оценок, т. е. в мировоззренческой области).

Если сопоставить современные дефиниции риторики с дефиницией Аристотеля, то можно сделать интересные выводы.

Первым бросается в глаза тот факт, что большая часть дефиниций трактует риторику вполне в духе... Квинтилиана, т. е. в них риторика понимается, прежде всего, как хорошая (в современной интерпретации – эффективная) речь. Легко доказать, что и «воздействующая», и «эффективная», и «целесообразная», и «гармонизирующая» – это все частные разновидности общего определения качества речи – «хорошая» речь.

Второе, на что хотелось бы обратить внимание, сопоставляя современные дефиниции риторики с классической аристотелевской: современные дефиниции существенно отличаются стремлением широко трактовать не только объектную и функциональную, но и собственно предметную область. Примечательно, что она расширяется прежде всего за счет того, что «ускользает» важная специфическая черта риторической деятельности, которая хорошо понималась и «схватывалась» Аристотелем. Речь идет о «сфере бытия» риторики, о ее «компетенции» в той области сознания, которая включает в себя убежде-

¹ С. С. Аверинцев имеет в виду понимание риторики в конкретном житейском смысле как теории ораторского искусства.

ния, то есть в сфере мировоззрений субъектов риторической деятельности. Мировоззрение как область бытования риторики во многих дефинициях подменяется мышлением. Споры нет, мышление и мировоззрение теснейше взаимосвязаны и взаимообусловлены, однако у каждого из этих понятий своя семантика. Отсутствие четкости в понимании онтологической иерархии основных категорий риторики, с нашей точки зрения, на новом витке развития риторики воспроизводит тот же «подводный камень», который осознавался уже в середине XIX века. Классическая дефиниция здесь, несомненно, дает более четкие ориентиры и определяет специфику риторической деятельности весьма определенно и последовательно.

Продолжая анализ, от обсуждения предмета риторики *как вида речевой деятельности* перейдем к рассмотрению предмета риторики *как науки*. Будем исходить из того, что «предмет любой науки – если это наука – может быть представлен в 4-х степенях абстрактности – конкретности: всеобщее – общее – особенное – единичное (это логическая градация), или в четырех степенях сущности: бытие – сущность – явление – действительность (это градация уже онтологического порядка)» [9, с. 56–57].

Известно, что предметный признак философии как науки – логика всеобщего. Предпримем попытку применить эту логику к риторике и проанализировать ее феномен в категориях *логической и онтологической градации*. В этом случае мы увидим следующее:

1. *Бытие* риторики – *мировоззрение*. С точки зрения логики, это уровень предельного обобщения – всеобщее. И если понимать мировоззрение как *всеобщий «способ духовно-практического освоения мира человеком»* [14, с. 367], *«совокупность убеждений»* [3, с. 40], то *риторика есть всеобщий способ формирования и функционирования мировоззрения*.

2. *Сущность* риторики – *речь* (*общее* в предмете). Важно заметить, что это мысле-речь, «отождествление всего мыслительного и всего словесного», т. е. то синкретичное образование, которое в древнегреческой терминологии выражалось понятием *logos*. *Сущность* риторики детерминирована ее *бытием*. Эта взаимосвязь хорошо «схвачена» американскими учеными Янгом, Беккером и Пайком, которые пишут: «Речь возникает из уникальных черт его «человека» образа мира... Человеческие различия – это материал для общения, они – причина общения» [15, с. 1]. Думается, именно здесь, в мировоззренческих различиях, следует искать истоки диалогической природы риторики.

3. *Явление* риторики (*особенное* в предмете) – *риторическое событие*. Эту «явленность» хорошо обнаруживает сравнение А. К. Михальской (хотя она говорит о речевом, а не о риторическом событии): «Речевое событие сходно с «явлением» в классической пьесе: есть определенный набор участников – «действующих лиц», обстановка, в которой происходит «явление», и диалог (дискурс), протекающий в ней. Если состав участников меняется (появляются новые лица или уходят прежние) или происходит перемена «декораций» – наступает новое «явление» – новое речевое событие» [8, с. 48]. Между тем, мы убеждены в том, что понятия *риторическое событие* и *речевое событие*, будучи идентичными по структуре, различаются качественными параметрами.

Риторическое событие есть динамическая совокупность *риторической ситуации* и *риторического поступка*. *Риторический поступок*, с нашей точки зрения, есть *дискурс, который детерминирован риторической ситуацией и мировоззрением адресанта, и обуславливает, предопределяет рациональное содержание и эмоциональную тональность риторического события*. Это уровень *этоса*, категории, которая определяется «статусом, имиджем, доброжелательностью и чувством справедливости говорящего» [4, с. 5], т. е. статусом, имиджем и нравственными качествами оратора.

Почему мы в прямом и переносном смысле подчеркиваем детерминированность дискурса мировоззрением адресата? Потому что этот детерминант и является принципиальным моментом, который позволяет различать понятия *риторическое событие* и *событие речевое*. Не имея возможности в полном объеме доказать неидентичность этих понятий и актуализировать необходимость их «разведения», ограничимся фактографией. Продемонстрируем это различие только на одном примере.

Что есть (увы!) традиционный школьный урок, на котором учитель преподносит ученикам программный материал, не «пропустив» этот материал через свое «Я»? Это, несомненно, речевое событие, поскольку налицо все необходимые составляющие (см. выше определение речевого события, по А. К. Михальской), но это не событие риторическое. Не риторическое, потому что дискурс не детерминирован мировоззрением адресата и потому что адресант не ставит сознательно цели воздействовать на мировоззрение адресата. Его *намерение* хорошо описано в свое время К. Д. Ушинским: учитель «заботится только о том, чтобы большинство его учеников знало предмет». И что в результате? «Учитель толкуёт новый урок: ученики, зная, что найдут этот урок

в книге, стараются только смотреть на учителя и не слышать ни одного слова из того, что он говорит» [13, с. 244].

Если даже допустить возможность постановки учителем сознательной цели воздействовать на мировоззрение адресата, то можно прогнозировать с высокой степенью вероятности неуспешность этой попытки, потому что в этом случае невозможен «диалог мировоззрений», «диалог (или полилог) различных «Я»», потому что будет отсутствовать *личность* учителя. В этой связи очень актуальны мысли К. Д. Ушинского, высказанные им в статье «О пользе педагогической литературы»: «Воспитатель никогда не может быть слепым исполнителем инструкции: не согретая теплотой его личного убеждения, она не будет иметь никакой силы... Главнейшее всегда будет зависеть от личности непосредственного воспитателя, стоящего лицом к лицу с воспитанником: влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений... Но если личность воспитателя значит все в деле воспитания, то каким же образом можно действовать на личность иначе, как не путем свободного убеждения» [14, с. 18]. Если истолковать эту цитату в нашем контексте, то мы можем констатировать, что по сути дела всякий урок – речевое событие, однако выдающийся педагог ратовал за превращение школьного урока в риторическое событие.

Получается, что школьный урок становится риторическим событием тогда, когда учитель, будучи зрелой личностью, рассматривает встречу с подопечными как риторический поступок, т. е. как возможность вступить с ними в межличностный диа(поли)лог посредством учебного материала. Подобная установка ориентирует его на поиск в программном материале таких сторон, граней, ракурсов, которые ориентированы на становление, развитие личности ребенка, его картины мира, его мироощущения и мировосприятия.

4. *Действительность*, «осуществление» риторики (особенное, единичное) – *язык*. С нашей точки зрения, это уровень *языковой представленности индивидуальных особенностей автора*. Такое понимание не расходится с традиционным. Так, Ю. В. Рождественский определяет средства языкового выражения, изучаемые в риторике, как «особенности применения языка и стиля в конкретном высказывании». Он пишет, что в области выражения риторика «стремится выделить то, что может характеризовать данную речь, и только ее», изучает «выбор слов, ритм речи, фигуры речи в отношении к индивидуальному рече-

вому произведению (как его делать и понимать)» [10, с. 180–181]. Этот уровень соотносим с тем, что Аристотель называл *пафосом*.

Предмет изучения риторики, рассмотренный с позиций логической и онтологической градации, соотносится и с гносеологической градацией «принципы – правила – средства», которая «в целом отражает движение от глубинных исходных положений до форм и способов их выражения в речи. При этом правила отражают программу действий, необходимую для речевой реализации принципов» [7, с. 104].

Таким образом, системная проработка предмета изучения риторики дает еще одну возможность объяснить многочисленность и разноплановость современных трактовок риторики. Объяснение мы находим в сложности и универсальности этого феномена. Эта универсальность обнаруживает себя в *мировоззренческой природе* риторической деятельности, на каком бы уровне она ни рассматривалась: на уровне логоса, этоса или пафоса.

В этом случае становится понятным, что *предметный признак риторики как науки* – это *логика должного, вероятного, возможного, логика «мнений»*, которая реализуется в конкретных риторических событиях. В таком случае очевидна необходимость глубокой разработки теории аргументации как «сердца» теоретической риторики.

Трудности, возникающие в теории и практике преподавания риторики, также напрямую связаны с отсутствием четкости в определении предмета обучения. В самом деле, обучать риторике – значит обучать чему? Хорошей речи или умению убеждать, отстаивать свои взгляды? Школьная риторика – это культурологическая, филологическая или лингвистическая дисциплина? И здесь мы обнаруживаем все те же расширения предметности риторики, которые «закрепляют» за ней всю сферу коммуникации вполне в духе американских коллег Р. Э. Янга, А. Л. Беккера и К. П. Пайка (они полагают, что «в широком смысле риторика есть акт речи, а область риторики как предмет изучения есть все то, что имеет отношение к акту обращения кого-нибудь к кому-нибудь в речи или письме» [15, с. 1]), либо сужения до одного из разделов лингвистики, который «заведует» адекватным выражением мысли в слове.

Системное рассмотрение предмета риторики дает возможность актуализировать и *предмет обучения* риторике. Минуя цепь логических рассуждений, сформулируем конечный «продукт» логико-аналитической деятельности: предмет обучения риторике – *«рефлексивная речевая деятельность, на-*

правленная на индивидуально-творческую интерпретацию закрепленных культурной традицией способов речевого поведения в ситуациях, когда возникает необходимость в речевом воздействии на мировоззрение другого «Я» или (и) декодирования речевого замысла другого». Другими словами, обучать риторике – значит обучать осмысленной речевой деятельности, цель которой – освоение оптимальных (адекватных) способов речевого поведения в ситуациях, когда обнаруживается несовпадение, различие, другое в позициях общающихся сторон. В обучении риторике этот уровень предметности можно было бы атрибутировать как программу-минимум (обязательный уровень). Тогда программа-максимум видится в создании таких условий, при которых у ученика появляется возможность и желание творчески интерпретировать освоенные способы речевого поведения и реализовать себя как языковую личность.

К сожалению, объем данной статьи не дает возможности всесторонне обосновать эту дефиницию, но, думается, это будет возможно сделать в том случае, если она станет предметом дискуссии, или же в отдельной статье. Пока же ограничимся одним существенным замечанием: предметы риторики как особого вида речевой деятельности, как науки и как обучающей дисциплины не разделены непроходимой пропастью: это по сути дела *одна предметность*, рассматриваемая под разными углами зрения. Логика должного, вероятного, возможного, логика «мнений» как предмет изучения риторики коррелирует с аристотелевским «предчувствием» риторики как мощной культурной универсалии, как особого вида деятельности человека – осознанной речевой деятельности, цель которой (в самом широком понимании) – влияние на мировоззренческие концепты общества. Сформулированное нами понимание предмета учебной риторики также не оказывается вне вышеуказанной предметности: оно соотносится с уровнем *особенного (явления)*, но это *особенное* несет в себе и *всеобщее (мировоззрение)*, и *общее (рече-мысль)*, и *единичное (язык)*.

Общая предметная область достаточно четко видна сегодня в свете определения философского статуса риторики (который, кстати, не претерпел принципиальных изменений со времен Аристотеля). Если видеть в риторике *всеобщий способ формирования и функционирования мировоззрения*, то станет очевидным, что все аспекты понимания риторики (как вида речевой деятельности, как науки или как обучающей дисциплины), «вписываются» в представления о ней как о «вечной, вновь и вновь воплощающейся универса-

лии». Такое понимание риторики имеется в современном научном знании. Оно обнаруживается, например, в трудах С. С. Аверинцева, с разными оттенками понимания воспроизводится в трудах современных теоретиков риторики – Н. А. Безменовой [2], О. И. Марченко [6], Е. Н. Зарецкой [4] и др.

Понимание риторики как мощной культурной универсалии дает возможность осознать ее органические связи с философией, с теорией речевой деятельности, с этикой, с лингвистикой, равно как и несводимость ее ни к одной из этих наук.

Мы помним о том, что предмет риторики – явление преходящее, способное расширяться или сужаться в силу определенных объективных и субъективных факторов. Многое расставит на места время. Однако уже сейчас «размытость» предмета риторики не может не тревожить. Во-первых, потому что теоретическая неопределенность заметно снижает качество практического обучения. Во-вторых, потому что именно сегодня, именно сейчас роль риторики как культурной универсалии, «отвечающей» за формирование и функционирование мировоззрения в обществе, могла бы быть более серьезной, а вклад ее в приобщение широких слоев населения (и прежде всего школьников, студенчества) к культурно-речевой традиции мог бы быть более весомым.

Литература

1. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
2. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991.
3. Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М.: Мысль, 1983.
4. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1998.
5. Кохтев Н. Н. Риторика. М.: Просвещение, 1994.
6. Марченко О. И. Риторика как норма гуманитарной культуры. М.: Наука, 1994.
7. Матвеева Т. В. Категориально-текстовый подход в учебном курсе риторики // Предмет риторики и проблемы ее преподавания: 1997. М.: Добросвет, 1998.
8. Михальская А. К. Основы риторики. М., 1996..

9. Пузырев А. В. Риторика в ее системной целостности // Предмет риторики и проблемы ее преподавания: 1997. М.: Добросвет, 1998.
10. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1999.
11. Сиротинина О. Б. Риторика как составляющая системы наук об общении // Предмет риторики и проблемы ее преподавания: 1997. М.: Добросвет, 1998.
12. Ушинский К. Д. Руководство к преподаванию по «Родному слову» // Собр. соч. М., 1948–1952. Т. 6.
13. Ушинский К. Д. О пользе педагогической литературы // Собр. соч. М., 1948–1952. Т. 2.
14. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
15. Young R. E., Becker A. L., Pike K. L. Rhetoric discovery and change. N. Y., 1970.

УДК 37.01.5
ББК Ч.30

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И. Г. Шендрик

Понятие «пространство» используется во многих науках как естественных (физическое, географическое и др. пространства), так и гуманитарных (социальное, экономическое, политическое и др. пространства). Оно достаточно универсально и удобно для описания различных предметных областей, поскольку благодаря ему появляется возможность зафиксировать единство разнокачественных явлений в цельности мира.

Различные предметы, явления и процессы образуют целостность, становятся единством на том основании, что находятся вместе. При этом их совместное нахождение определяется не только и не столько сущностным, внутренним единством, сколько внешним взглядом, способом презентации их субъекту. Однако сопряженное рассмотрение различных явлений действительности, объединение их вместе, расположение их в некотором пространстве дает возможность увидеть их по-новому, в иных связях и отношениях, а потому приблизиться к пониманию сущности вещей, к их истине.